

В мае 1945-го мне было девятнадцать с половиной лет

Б. Д. БОНДАРЕНКО

Б. Д. Бондаренко

Война застала нашу семью в городе Туапсе Краснодарского края. Жили мы в большом одноэтажном деревянном учительском доме, расположенном на крутом склоне горы. Мама преподавала в средней школе. Отец работал старшим бухгалтером в государственном банке и занимался хозяйством. Я и мой старший брат Юра учились в средней школе. В ту пору мне было пятнадцать с половиной лет. Я только что закончил 9-й класс.

Мама приняла решение: ехать в Москву к родственникам. Наш поезд прибыл в столицу в ночь на 22 июля и остановился в районе станции Москва-Товарная. Это была незабываемая ночь. Небо бороздили десятки лучей прожекторов. Никто из пассажиров не пред-

ставлял, что происходит и почему остановился поезд. Конечно же, все подумали, что идут просто военные учения. Однако вскоре мы увидели в окно вагона, как сошлись три луча прожекторов и в центре обозначилась какая-то темная точка. Сейчас же вокруг нее появилось множество вспышек — разрывов зенитных снарядов, и наконец, что-то сильно вспыхнуло и стало с ревом падать вниз. Это был не спектакль и не учения, а первый налет немцев на Москву. Когда уже рассвело, мы добрались до Курского вокзала и поехали в город. По пути встречались разрушенные дома. Нельзя сказать, что видели панику, но, во всяком случае, на лицах людей отражались крайнее возбуждение и тревога.

Днем мы посетили Площадь Революции, где были выставлены для обозрения три сбитых немецких бомбардировщика. Конечно, на это приятно было посмотреть! В последующие дни мне приходилось вместе с другими жителями Москвы неоднократно дежурить на крышах домов и сбрасывать термитные зажигательные бомбы, захватывая их длинными железными щипцами.

В Москве мы пробыли недолго. Примерно через месяц были эвакуированы на Урал в город Миасс. Меня определили в железнодорожную школу-интернат с постоянным проживанием и питанием, где я продолжил учебу в 10-м классе. Начитавшись в газетах различных случаев из фронтовой жизни об угонах из немецкого тыла автомашин, я решил овладеть искусством вождения автомобиля. В распоряжении руководства интерната была полупроходка ГАЗ-АА, на которой привозили продукты и другие предметы, необходимые в хозяйстве. Я познакомился с шофером и старался всячески угодить ему: то помыть машину или двигатель, то подать необходимый инструмент при ремонте или регулировке. Постепенно я вошел в доверие, шофер стал рассказывать мне, как устроен автомобиль, и наконец, стал обучать вождению. Это потом пригодились мне на фронте.

Я закончил 10 классов в Миассе и получил аттестат зрелости с отличием, но не достиг еще призывного возраста. Мне было всего лишь шестнадцать с половиной лет. А что же дальше делать? И вдруг я прочитал в местной газете «Челябин-

ский рабочий», что производится набор курсантов в Военно-морскую медицинскую академию, которая в то время была эвакуирована из Ленинграда в Киров. Недолго думая, я сейчас же послал заявление в приемную комиссию. Вскоре получил вызов и сразу поехал в Киров. Впервые я там увидел капитанов первого ранга и адмиралов, боцманов с боцманской дудкой. Все одеты в шикарную военноморскую форму. Взгляд не оторвать. Сдал экзамены. Прошел по конкурсу и был зачислен на нулевой курс. Нас, курсантов нулевого курса, сразу направили в лагерь на сборы.

Немцы рвались к Волге, Красная армия отступала. И вот в сентябре 1942 г. нам перед строем зачитывают знаменитый приказ И. В. Сталина № 227 «Ни шагу назад». Приказ запоминается наизусть с первого прочтения. Приведу некоторые фрагменты из этого приказа, откровенно обрисовавшего всю тяжелую обстановку, сложившуюся в то время в Красной армии и СССР в целом.

«Под немцами осталось в оккупации около 100 миллионов человек. Русские войска покрыли свои знамена позором, сдали без боя Ростов, Новочеркасск. Встает вопрос, быть или не быть СССР.

В 1941 г., когда немцев погнало от Москвы, в их рядах началась страшная паника. Гитлер издал приказ: организовать штрафные роты, батальоны, куда посылать трусов, паникеров, предателей. Сзади поставить заградотряды. Таким способом Гитлер остановил отступление немецкой армии. Не следует ли нам поучиться у Гитлера? Да, следует.

Приказываю организовать штрафные роты, штрафные ба-

тальоны, куда посылать трусов, паникеров, предателей, чтобы они могли кровью искупить свою вину перед Родиной. За ними поставить заградотряды».

После чтения этого приказа нулевой курс расформировали, и мы были отправлены по домам. Старшие курсы Академии были досрочно выпущены военврачами, военфельдшерами, а из 1-го и 2-го курсов были организованы заградотряды. По прошествии нескольких месяцев меня призвали в армию, и с января 1943 г. я был зачислен курсантом 2-го Томского артиллерийского училища. Напротив нашего училища в Томске располагался военный госпиталь. В нем в течение полугода находился на излечении мой брат Юра, раненный в ногу под Сталинградом. Ни он, ни я об этом не знали. Это выяснилось лишь впоследствии, когда мы встретились после войны.

В артиллерийском училище я учился с увлечением. Особенно мне нравились ночные стрельбы с осветительными снарядами. Мы их впоследствии применяли в 1945 г. для поражения немцев на левом берегу Одера, когда войска переправлялись через реку. Наша батарея располагалась тогда на высоком правом берегу, в районе г. Грайфенгафена.

В этом районе Одер имеет два рукава, а между ними — болотистая местность. Соединяла эти рукава только одна асфальтированная дорога длиной в несколько километров на два ряда транспорта. А ведь техники, в том числе и тяжелой, скопилось очень много. Немцы ночью сильно бомбили. Днем они боялись вылетать.

Переправлялись мы на плотках, ведомых катерами. На плот помещался один танк или две 152-миллиметровые

гаубицы-пушки. Понятно, что никто не хотел на ночь оставаться в этой ловушке. Соблюдался определенный порядок, и никто не хотел уступать своей очереди на следующую переправу. И все же право сильного порой брало верх. Мимо, обгоняя нас, пошли танки от правого рукава Одера к левому. Это были тяжелые танки ИС и КВ, причем мы с нашими тяжелыми 152-миллиметровыми пушками-гаубицами не могли съехать с асфальта, боясь утонуть в болоте. А тяжелые танки шли по болоту, так как имели широкие гусеницы.

Встреча с союзниками была бурной и радостной, хотя накануне был приказ — провести рекогносцировку и подготовить цели в районе расположения союзных войск, на всякий случай. Но война закончена! Инцидентов с союзниками у нас не было. Американцы принимали нас с открытой душой и весьма эмоционально, англичане — более сдержанно.

Так для меня завершилась Великая Отечественная война. Я уже более полугода был в должности командира батареи и начальника разведки дивизиона. Служил в 156-й тяжелой гаубично-артиллерийской бригаде разрушения РК 2-го Белорусского фронта, будучи в звании младшего лейтенанта. Имел орден Красной Звезды, медали «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией». В мае 1945 г. мне было девятнадцать с половиной лет.

БОНДАРЕНКО
Борис Дмитриевич
(1925–2006) —
начальник отдела ИТМФ
РФЯЦ-ВНИИЭФ, доктор
технических наук, лауреат
Ленинской премии